

DOI: 10.31857/S0130386424040165

© 2024 г. И.К. Богомолов

НЕЙТРАЛИТЕТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рец. на книгу: M. Abbenhuis, I. Tames. GLOBAL WAR, GLOBAL CATASTROPHE. NEUTRALS, BELLIGERENTS AND THE TRANSFORMATION OF THE FIRST WORLD WAR. London: Bloomsbury Academic, 2022. 238 p.

Богомолов Игорь Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: bogomolov@inion.ru

Researcher ID: AAI-8746-2020

I.K. Bogomolov

NEUTRALITY DURING THE GREAT WAR

Rec. ad. op.: M. Abbenhuis, I. Tames. GLOBAL WAR, GLOBAL CATASTROPHE. NEUTRALS, BELLIGERENTS AND THE TRANSFORMATION OF THE FIRST WORLD WAR. London: Bloomsbury Academic, 2022. 238 p.

Igor Bogomolov, Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bogomolov@inion.ru

Researcher ID: AAI-8746-2020

Дискуссии о том, являлась ли Первая мировая война «тотальной», ведутся не одно десятилетие¹. Ныне этот вопрос обретает новое звучание в связи с углубленным изучением регионов Азии и Африки в 1914–1918 гг. Рецензируемая монография М. Аббени и И. Тамеса — хороший пример рассмотрения проблемы «тотальности» Первой мировой в контексте вовлечения в нее большей части населения Земли. Авторы следовали традиционному определению «тотальной войны», данному еще в 1918 г. журналистом Л. Доде, определявшим ее как «расширение борьбы... на сферы политики, экономики, торговли, промышленности, интеллектуальной жизни, права, финансов. Сражаются не только армии, но и традиции, институты, обычаи, законы, умы и, в особенности, банки»². Используя новые источники и исследования последних лет, авторы отмечают, что «лишь немногие люди могли избежать последствий глобальной войны, даже если они жили в нейтральной стране... или вдали от официального военного фронта» (с. 4).

Вопрос о нейтралитете в Великой войне в целом занимает в книге центральное место. При этом Абе-

нии и Тамес не обращаются к традиционной и уже хорошо изученной истории «перетягивания» нейтральных стран на сторону противоборствующих военных блоков. Основное внимание обращено на идеологические, пропагандистские, культурные аспекты соблюдения и нарушения нейтралитета в 1914–1918 гг. Затронуты и набирающие популярность в зарубежной историографии сюжеты о социально-экономическом положении европейских колоний в Азии и Африке.

В первой главе описываются контуры международных отношений «длинного» XIX в. В это столетие державы «охотно использовали... насилие для поддержания порядка на своих территориях и границах, подавления сопротивления и отстаивания своего самопровозглашенного права на власть». В то же время правящая элита избегала конфликтов с соперничающими или соседними странами, понимая, что войны являются «предвестниками экономического спада, народной революции и социальных волнений» (с. 15). Считалось, что только «легитимным» государствам позволено вести войны с целью расширения своих владений. Конфликт между ними должен был соответствовать ожиданиям, включая международное право войны. Любое государственное насилие, осуществлявшееся в целях поддержания порядка в империи, подавления восстания или захвата территории, на

¹ Магадеев И. Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16.

² Цит. по: Там же. С. 4.

которой проживали «нецивилизованные» народы, не подпадали под эти ограничения. Война 1914–1918 гг. устранила многие различия, которые в XIX в. проводились между «межгосударственными войнами и другими формами государственного и негосударственного военного насилия» (с. 24).

Во второй главе рассказывается о том огромном значении, которое современники придавали вторжению Германии в Бельгию и Люксембург в ночь с 3 на 4 августа 1914 г. Поступив таким образом, Германия «добилась того, что идеалу “ограниченной войны”, который лежал в основе европейского баланса сил с 1815 г., был положен конец» (с. 9). Вторжение также похоронило ожидания, что нейтральные страны являются относительно «безопасными» пространствами. Убийства мирных жителей в Бельгии и на севере Франции стали мощным основанием для антигерманской пропаганды, с которой Берлин безуспешно боролся на протяжении всей войны. Роль пропаганды в разжигании ненависти к немцам была признана уже после войны, что в немалой степени способствовало международной разрядке. В частности, отказ от признания правдивыми «Синей книги» 1915 г. и «Белой книги» 1918 г. помог улучшить англо-германские отношения в 1920-х годах (с. 42).

Третья глава посвящена второму ключевому моменту, который придал войне глобальный характер, а именно объявлению Великобританией войны Германии 4 августа 1914 г. Державы (в том числе нейтральные) столкнулись с перспективой того, что в Африке и Азиатско-Тихоокеанском регионе могут открыться новые военные фронты, поскольку вражеские колонии мобилизуют свои имперские силы друг против друга. Таким образом, просто вступив в войну, Англия добилась того, что эта война не стала «кратковременным событием», хотя до конца 1914 г. доминировало представление о скором окончании военных действий решительной победой одной из сторон (с. 46).

В четвертой главе анализируются изменения в стратегии войны после осознания противоборствующими блоками невозможности достижения быстрой победы. После декабря 1914 г. и по мере стабилизации фронтов экономическая война начинала набирать обороты. До того воюющие стороны придерживались положений Лондонской декларации 1909 г. и Гаагской конвенции 1907 г., позволявших нейтральным государствам торговать с воюющими сторонами товарами, не являющимися контрабандой. Начиная с марта 1915 г. противники «все чаще отвергали или пересматривали права нейтралитета и при этом возвращались к принципам неограниченной экономической войны, распространенным в Европе в начале нового времени» (с. 11). Переход к тотальной экономической войне в начале 1915 г. вызвал огромные изменения в структуре торговли, повлияв на уровень жизни населения всех стран. Продовольственная безопасность превратилась в оружие войны, направленное как против воюющих, так и против нейтральных обществ. В результате менялось понимание «справедливой войны» — того, что было разрешено или ожидаемо в поведении противников.

Во многих нейтральных странах развернулись «дебаты о ценности сохранения нейтралитета и о том, какую воюющую сторону поддерживать» (с. 74).

В пятой главе рассматривается применение государствами насилия для достижения военных, стратегических и экономических преимуществ и для обеспечения соблюдения обязательств подчиненным, оккупированным и нейтральным населением. Авторы задаются вопросом, как понятия «лояльность», «идентичность» и «ответственность перед государством» были мобилизованы для оправдания насилия. Распространение идей тотальной войны и необходимость одержать победу практически любой ценой превращали любого, кто помогал военным усилиям противника, в оправданную цель для наблюдения, тюремного заключения и даже уничтожения: «“Варвар”, живущий по соседству, был так же опасен, как и тот, кто пытается убить вас издали» (с. 80). Также в главе кратко характеризуются эксперименты с новыми видами вооружений (отравляющие газы, воздушные бомбардировки и подводные лодки) и «институционализация насилия» на фронтах и в прифронтовых областях (принудительные депортации, интернирование, оккупационные режимы, геноцид).

В шестой главе анализируется влияние мировой войны на социальную структуру и политические настроения обществ. Неспособность воюющих держав добиться стратегического прорыва в 1916 г. «дорого обошлась их способности... управлять своими странами, своими империями и международной обстановкой в целом». Баланс, которого они придерживались в 1914 и 1915 гг., — между поощрением поддержки и лояльности своего населения и принуждением к подчинению, когда эта поддержка перестала быть добровольной, — пошатнулся в 1916 г. Государственное насилие против «нелояльных» групп и сообществ усиливалось по мере того, как ослабевал их энтузиазм по отношению к войне (с. 100). Нейтральные правительства также сталкивались с серьезной оппозицией своей политике военного времени, особенно в условиях дефицита и нормирования продовольствия. 1916 г. «перечеркнул представления XIX в. о нейтралитете как средстве, смягчающем войну между государствами» (с. 110). Нейтралитет государств становился все менее выгодным и все более «морально сомнительным» в глазах не только противоборствующих сторон, но и собственного населения. В качестве примера приводятся не только США, но и Португалия, которая вступила в войну в марте 1916 г., после того как захватила немецкие и австрийские торговые суда в своих территориальных водах и сменила их флаги. Это позволило ей уменьшить дефицит морских перевозок и возобновить торговлю с союзниками, нарушенную германской подводной войной (с. 110).

Седьмая глава посвящена 1917 г., когда мировая война превратилась в «тотальную глобальную трагедию», разрушив социальную и политическую структуру многих воюющих и нейтральных сообществ. Авторы показывают, как «сильный стресс от

непрекращающейся тотальной войны подталкивал как нейтральные, так и воюющие сообщества к политическим беспорядкам и революции». На международном уровне падение монархии в России не только способствовало падению австрийской, османской и германской монархий, но и пошатнуло колониальные империи Великобритании и Франции. Успехи российской революции были вызваны в первую очередь «тревогами и страхами правящих элит и тех, кто заявлял о своей преданности этим элитам». Однако в долгосрочной перспективе установление «потенциально мощного большевистского режима в России подорвало шансы на создание хорошо функционирующей международной системы и возвращение к системе глобальной торговли и капитализма “открытого моря” после войны». Революция 1917 г. ознаменовала «переход к новой эре революционного насилия», и, хотя Первая мировая война «формально закончилась перемирием 11 ноября 1918 г., рост... беспорядков и политической нестабильности определил послевоенный период» (с. 117).

В восьмой главе анализируются причины и последствия вступления США в Первую мировую войну. Этот шаг «ознаменовал окончательный крах международного порядка XIX в., который основывался на готовности и способности отдельных государств заявлять о своем нейтралитете». Соединенные Штаты вступили в войну не только против Германии, но и в поддержку своего видения нового международного порядка. Такое видение отрицало нейтралитет как действенную внешнюю политику» (с. 12). После 2 апреля 1917 г. выбор оставшихся нейтральными государств фактически свелся к двум вариантам: «вступить в войну... либо потерять шанс повлиять на то, как воюющие стороны изменят международную систему по окончании конфликта» (с. 138). Это касалось и самих Соединенных Штатов. Хотя многие американцы признавали, что их нейтралитет по-прежнему являлся экономически выгодным, он мог быть «истолкован как изоляционизм» и, таким образом, не позволил бы США «участвовать в послевоенном переговорном процессе» (с. 141). Вместе с российской революцией вступление Вашингтона в войну стало поводом для смены внешнеполитической парадигмы в оставшихся нейтральных государствах.

В заключительной девятой главе Абеньи и Тамес кратко характеризуют долгосрочные последствия

Первой мировой войны, в частности для системы международных отношений и будущего колониальных империй. После 1918 г. в мировой политике «преобладали идеи независимости, автономии, государственности, самоопределения, избирательного права и расового равенства. Создание Советского Союза в 1922 г. и его основополагающая антикапиталистическая и антиимперская риторика еще больше подорвали легитимность империализма как действенного средства управления» (с. 167–168). В западном мире было «много людей (и правящих элит), которые надеялись на возвращение к привычному довоенному социальному, расовому и политическому порядку». Прославление довоенного прошлого стало «мощным стимулом для восстановления полного имперского контроля и подавления ожиданий перемен». Готовность прибегать к государственному насилию для обеспечения соблюдения законов редко сдерживалась, и в этом смысле военные годы «не принесли избавления от империи или расового неравенства». В целом, Первая мировая война открыла «ящик Пандоры», подорвав, помимо прочего, «принципы глобального и имперского управления, которые позволили великим индустриальным державам процветать в XIX в. По иронии судьбы, те же самые великие державы несли ответственность за разрушения, которые они обрушили на мир» (с. 173).

Рецензируемая монография изобилует множеством фактов экономической, социальной и политической истории, ярко демонстрируя тесную связь между всеми государствами на планете в начале XX в. Большое внимание к странам и регионам Азии и Африки открывает перед читателем более широкую картину международных процессов, хорошо показывает положение не только воюющих, но и нейтральных государств, а также колоний в 1914–1918 гг. Книга, несомненно, будет полезна читателю для большего понимания причин, хода и последствий Первой мировой войны.

Библиография / References

- Магадеев И. Э.* Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16.
Magadeev I. E. Pervaya mirovaia kak total'naia voina [The First World War as a total war] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2014. № 4. S. 3–16. (In Russ.)